

Summary

The article deals with the narrative strategy of the novel by Austrian writer Peter Handke “A year spent in no man’s bay”. The attention is focused on the issue of the homodiegetic narrator, “alter ego” of the real author who in search of the harmony with objective world aims at reaching the level of “pure consciousness”.

The reality represented in the fictional work exists only in the narrator’s consciousness, within different levels: perceiving description, narrator’s reflection, text of the novel created by the narrator.

Principles of separating real and intentional content of the consciousness, as consciousness experience (noesis) and experience sense (noema), expose the novel generation procedure accounted to extreme solipsism and radical constructivism.

ОТРАЖЕНИЕ НЕХРИСТИАНСКОГО ТРАНСМИФА В ПОВЕСТИ ЛЬВА ПРОЗОРОВА «ЕВПАТИЙ КОЛОВРАТ»

Романенко Я.А.

НТУУ «КПИ»

Где честная могила Евпатия —
Знают ясные зоря с курганами,
Знала старая песня про витязя,
Да и ту унесло ветром-вихорем.

*Лев Мей,
«Песня про боярина Евпатия
Коловрата»*

Данная статья ставит своей целью попытку классифицировать данное произведение, и, проанализировав текст, попытаться понять и принять основную идею, которая строится на совершенно ином мировоззренческом фундаменте, структурировать основные тезисы, которые этот текст предлагает.

«Евпатий Коловрат», вышедший в издательстве «Эксмо» в августе 2009 года, имеет потенциал стать явлением в российской фантастике последних лет. Нет сомнений, по ее поводу будут происходить жаркие споры, будут ломать копья в фигуральном и буквальном смысле, но споры эти будут вестись, скорее всего, не вокруг художественных недостатков или достоинств книги, не вокруг ее тематики, а скорее, вокруг стержневой идеи повести, вокруг личности автора, и атмосферы,

которая ощутимо чужеродна для истово верующего христианина. Но к последнему пункту мы еще вернемся. Давайте поговорим об авторе.

Лев Рудольфович Прозоров, Озар Ворон, Смельдинг – все это онлайн-ипостаси члена многих электронных сообществ, язычника-родновера, национал-социалиста по убеждениям и одновременно, талантливого писателя, публициста и историка по образованию. То есть сама личность автора уже может рассматриваться представителями значительной части российского общества как антагонистическая, одиозная, что может представлять сложности в восприятии данного произведения.

Эта повесть может вызвать потрясение. Хотя бы потому, что написана человеком с абсолютно нехристианской ментальностью, несет в себе отпечаток его веры, его убеждений. Прозоров – иной, и эту свою иность он передает со всей силой своего литературного таланта – так, что образы, ею рожденные, беспардонно вторгаются в сознание читателя и спорят с воспитанными в нем религиозными, идеологическими и моральными устоями.

Итак, о теме произведения. Небольшая по объемам повесть посвящена одному из самых страшных событий в русской истории – вторжению внука Чингисхана, повелителя улуса Джучи, более известного нам под названием Золотой Орды, Бату-хана в Рязанские и Владимиро-Суздальские земли в 1237 году. Посвящена, вернее, одному его эпизоду, который дошел до нас благодаря нескольким строкам в «Повести о разорении Рязани Батыем», собранию рязанских летописей разных лет о нашествии монгольского полководца. В основном, до нас дошли списки «Повести» не ранее XVI века, и, очевидно, мы не можем рассматривать ее как серьезный исторический документ. Однако, это не означает, что личность рязанского вельможи и воеводы Евпатия Коловрата вымышлена или легендарна – историки не поддают сомнению описанные в «Повести» события.

К какому жанру можно отнести «Коловратов полк»? К славянскому фэнтези, криптоисторическому или просто историческому роману? Сам автор утверждает, что для него роман сугубо историчен, и автор этих строк верит этому сразу и окончательно: языческое сознание – сознание мифологическое, в нем тесно переплетаются явь и навь – они неразделимы, как мир людей и мир богов, поэтому божественное вмешательство в исторические события не рассматривается чудом – оно неотделимо от реальности.

Тем не менее, для удобства классификации, книгу следует позиционировать на стыке жанров – криптоисторического романа и славянской фэнтези, поскольку именно она базируется на элементах этих обоих жанров. С одной стороны автор додумывает те события, которые остались «за кулисами официальной истории», с другой стороны делается допущение об актах, которые могут быть отнесены только к сфере чуда, некромантии и прочих необходимых элементов жанра фэнтези.

Итак...

«...некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыея, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И

приехал в землю Рязанскую и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался во град Рязань и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем – так начинается рассказ о Евпатии в «Повести о разорении Рязани Батыем».

А вот, какими строчками начинается повесть Льва Прозорова: «Они опоздали.

Это стало явным, когда еще не показалась из-за бора гора над Окой, на которой стоял их город. Девственно чистым было зимнее небо над лесом. Ни одного печного дымка.

Когда дружина выехала из-за бора, глазам гридней — своих и невеликой черниговской подмоги — предстал черный, обугленный горб горы.

Вскоре они увидели первых мертвецов.»

И так повесть начинается с предложения, в котором сквозит безысходность. «Они опоздали»... В одном предложении заключена драма целого города, целого государства, в котором уже все будет не так. Потому что не осталось никого и ничего дорогого – город и окрестности подверглись невиданному доселе опустошению, какого не знали во времена княжьих усобиц. Все, что дорого сердцу возвратившегося воеводы, разрушено и сожжено, все, кто дороги сердцу Евпатия, мертвы. Пустые слова – разве могут они передать весь гнев, все отчаяние от утраты тех, что олицетворял собою смысл жизни? Нет, как бы ни старался автор этих строк.

«...и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем.» - говорится в «Повести», а строки «Коловратова полка» дорисовывают картину глазами Евпатия, раскрывая жестокий и расчетливый механизм штурма Ордой «града над Окой». Как били, как не жалели друг друга русичи в кровавых усобицах – это известно из хроник, но пришедший на Русь Враг оказался гораздо более искушен в разрушении царств, осаде и приступе городов, в устрашении и тактике выжженной земли. И гнали закованные в железо косоглазые плосколицые конники впереди себя толпы народа со всех окрестных городков и весей, прикрываясь ими, как щитом от стрел русских. Что им жизни иноплеменные, если того захотел могучий хан?

А потом резня, беспощадная, не оставляющая шанса на спасение никому – даже в Храме Божьем; насилие под хохот плосколицых захватчиков; пламя, пожирающее все вокруг.

Вот, что видит Евпатий, вот, что предстает глазам его гридней и черниговцев, пришедших на подмогу. «И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем». Гнев, жажда мести – разве даже христианин, которому каждый день взывается с амвона о всепрощении, может простить ТАКОЕ? Простить и забыть гибель своих родных и близких, разрушение своего мира, крушение всех

надежд? А вслед за гневом следует опустошение, гнев на Того, который не уберег, не защитил, а вслед за этим – решение, вполне естественное решение для того мира, который еще не совсем отворотился от отчей веры – веры в старых богов. «Ты не помог. Ты не помог им. Теперь я хочу от Тебя одного — не мешай».

Но даже для принятия такого решения требуется толчок со стороны. И автор вводит в повествование старую ведунью, намек на личность которой бросает тут же: «Жена одного из родичей и подручников Государя, кажется, Муромского державца... вдруг всплыло имя». Православного читателя насторожит и может даже обидеть тот факт, что в образе «лесной дуры» легко узнается Св. Февронья, жена князя муромского Давыда (Петра) Юрьевича, также канонизированного православной церковью. Святая, бывшая обращенная ведунья, во имя любви оставившая языческих богов, исцелившая князя Петра, вышедшая за него замуж, затем вместе с ним принявшая монашеский постриг и умершая с ним в один день согласно канону 25 июня 1228 года. Сила любви обоих была настолько велика, что даже будучи положены после смерти в разные гробы, они на следующий день оказались вместе.

Муромские князья всегда были проводниками воли Владимиро-Суздальского княжества, и с Рязанью враждовали. Поэтому с исторической точки зрения трудно представить себе жену муромского князя, оказавшуюся в Рязани. Впрочем, на то они и художественная литература, чтобы создавать поучительные картинки, чтобы оживлять образы – тем более, образы Великой любви. И чем хуже история Петра и Февроньи знаменитых историй о Тристане и Изольде, об Абельяре и Элоизе, о Ромео и Джульетте?

Есть в повести персонаж, который заслуживает, на наш взгляд, отдельного рассмотрения. Речь идет о сивере, черниговце Чурыне Ходыныче. Даже имя его среди всех этих Феодоров, Еупатиев, Демьянов выглядит как-то неуместно. Не для года 6745 от сотворения мира. Не на Руси Святой, города и веси которой вот уже, как утверждается, более двух веков украшают купола и кресты христианских церквей.

Тем более, что и соратники его – люди истово верующие в Христа. Боярин Феодор и его гридни как будто слеплены по образу и подобию своего князя – Святого Михаила Черниговского, принявшего мученический венец в Орде, жестоко порубанного нукерами Великого Хана за отказ пройти паганский «обряд очищения». Как оказался среди бородатых, суровых сиверских воев, этот «казак» с усами и чуприной? Из Чернигова, который крещен был одним из первых? История и автор умалчивают об этом. Но именно Чурыню автор делает инструментом своего замысла, именно в его уста вкладывает он прозрение о том, что должно произойти: «Он сам выбрал эту дорогу. Он выбрал её, хотя Тот, Кого теперь и ему приходилось величать Хозяином, там, на Пертовом Угоре, показал ему в котле горящий Чернигов, последнюю ярость брошенных князем и владыкой людей, копоть и кровь на мёртвых лицах...» и дает единственный ответ, который дает моральный выход из ситуации: «Я дал им слово. Я ел их хлеб. И каждый враг, которого я убью здесь — это тот, кто уже не придет жечь и убивать к моему дому».

Автор прекрасно понимает, что месть – не выход, месть – тупик, но жизненная максима, утверждаемая Чурыней, заставляет по-новому взглянуть на логику поступков героев повести, ибо на свершения их толкает одна мысль, влечет одно устремление. Подвиг Коловрата и его людей вовсе не умаляется тем, что они сознательно сожгли себя, отдав свои души Хозяину, и по достоинству оценен их Главным Противником. «— Хороший пир он устроил нам, Непобедимый, — сказал Джихангир, не оборачиваясь. — У нас не хватит войска, чтобы идти дальше. Надо поворачивать на полдень, к степи».

Мы знаем, что финальное сражение Евпатия с основными силами Орды состоялось уже на Владимро-Суздальских землях - после уничтоженного Москва, Козельска, преданных огню и мечу Суздали и Владимира, а ведь будет второй поход «К последнему морю», и меч вторжения обрушится на древний Киев, падут Переяславль, Чернигов, Каменец, Владимир-Волынский, Галич. Однако Орде долго еще придется зализывать раны. Подвиг Коловратовой дружины, возможно, предотвратил уничтожение всей остальной Руси.

Посмертие героев рисуется автором как некий прототип Валгаллы, только «умершие с мечом» оседлают здесь крылатых коней дружины одноглазого Хозяина. То, что Хозяин-Велес одноглаз, сразу наводит на параллели с другим могучим богом – богом германцев, Одином-Вотаном. И, как и Велес, Один соединяет в себе две ипостаси: войну и мудрость. Велес известен в двух ипостасях – как Чернобог, злой гений воинов, сын Лютобора, и бог плодovitости, богатства, покровитель ремесленников и поэтов. То же и с Одином. Недаром зовут его «Отцом воинств», недаром он отдает свой глаз норнам под мировым вязом Иггдрассилем в качестве залога за мудрость и попытку узнать, как одолеть Врага, когда пробьет час Рагнарёка. Так что Коловрату еще предстоит одна – Последняя – битва. Битва в за небеса.

А земля? Земля оставлена выжившим. И, кстати, любимому герою автора, язычнику Чурыне, а с ним - христианину Роману, голядинам-охотникам – всем тем, которым даруют жизнь и возможность погрести павшего воеводу по выбранному ими обряду. И на том спасибо Джихангиру, который, по всей видимости, признает только воинскую доблесть, и более ничего.

Что ждет уцелевших героев повести? Падет ли Чурыня через несколько лет, обороняя Чернигов, как было показано ему в видении, или соберет горстку приверженцев дедовой веры и уйдет в вятские леса подальше от черноризцев? Увидим ли мы Романа на Сити или примет храбрый воин монашеский постриг, и остаток жизни будет замаливать грех падения в идолопоклонничество? Кто знает? Думайте сами – автор уважает ваш выбор.

Представьте себе такую картинку: над плещущейся переливами гладью озера гордо вырастают бревенчатые стены городского палисада, а над ними воздвигнуты терема высокие, да белым-бело от стен белокаменных соборов, да возносятся ввысь их сияющие золотом на солнце купола с крестами. И сияет над всем этим Благодать Господня. Но поглядите вниз, в воды озера, в которых отражается совсем другая

реальность, в которой над стенами городскими да теремами боярскими высятся кумиры отчих богов.

Конечно же, знающие историю, прекрасно осведомлены, что не так уж мирно и благостно распространялось христианство на Руси, и способ новгородского крещения, когда «Путьята крестил мечем, а Добрыня огнем», наверное, даже преобладал. Важно помнить, что значительная часть культурного наследия Руси – нашего наследия – исчезла, обратилась в прах благодаря фанатичной борьбе одетых в черное миссионеров цивилизованной Византии с «эллинскими верованиями» варварской Руси.

Но язычество все же смогло нанести ответный удар: как бы ни старались чернецы, им не удалось вычеркнуть из памяти народной целый культурно-религиозный пласт обычаев, традиций, былин, песен и примет, который – пусть и тонким ручейком – но все же дошел до нас, сохранился в виде праздников: Коляды-Рождества, Масленицы, Ивана Купала, Спасов. Не смогли задушить попы веры народной, смогли разве что переименовать. И сплетаются в нашем сознании язычество с христианством, словно две сестры, и нет в этой нашей вере никакого конфликта, ибо идет эта вера от чистого сердца, а не подпитывается доктринами да догмами.

Автор повести уже давно провозгласил объединительный тезис: «Боги языцей суть ангелы, а не демоны». И в этом его предложении сквозит мудрость. Христианская церковь – так уж повелось – уже давно причислила всех языческих богов к сонму демонов. Только ведь ангелы – это тоже анахронизмы язычества, как и мудрые изречения «Экклезиаста», вошедшие в Библию. И ангелы, так же как и боги язычества, несвободны от зла. Достаточно вспомнить о Деннице и трети ангелов, низринутых Господом в ад за бунт против него.

И, наверное, недаром деревенский священник в монгольском полоне видит перед своей храброй смертью Велеса в образе Святого Николая. И это придает ему силы встретить достойно свою мученическую смерть. Не Велес – Николай, ибо тот олицетворяет в его глазах Господне благословение.

Недаром автор описывает страдания распятого Чурыни, которого палит жаром разгневанный Хорс-Даждьбог, снимая плоть с его костей, и только милосердная ночь приносит ему облегчение. И Чурыня смеется над своими тюремщиками, ободряет своих пленных товарищей. Что это – если не благородная жертва, не победа духа над плотью? Разве такая победа – благородный удел только христианина? И только ли христианин может оказаться на кресте?

Нет! – отвечает автор, и здесь с ним трудно не согласиться. Правда, на другом основании: ибо в конце концов, в Страшный Суд всем воздастся: и спасутся только те, кто достойно прожил свою жизнь, вне зависимости от религиозной принадлежности. «Мне отмщение, - говорит Господь, - и аз воздам» (Рим.12:19) в данном случае следует воспринимать именно как воздаяние Божье захватчикам, сделавшее Евпатия Коловратом-мстителем, орудием Господним, и в этом свете Велес – лишь рука Господня, одна из его многочисленных аватар, протянувшая руку Евпатия к мечу.

Вот так и сходятся язычество и христианство. Они разные, они борются друг с другом, но в то же время, они ростки одного дерева – человеческого стремления постичь божественное.

В этой повести каждый найдет что-то свое: любитель фэнтези – магию и перевоплощения, любитель готики – мрачные языческие обряды и живых мертвецов, родновер – переосмысление истории Руси, историк – поле для спора, любитель *belle lettre* – прекрасный стиль, текст, полный архаизмов, что только придает ему аутентичности и очарования.

Данную повесть вряд ли стоит считать образцом типичной новоязыческой литературы, хотя ее атмосфера абсолютно нехристианская, но, тем не менее, направленность ее гуманистична: автор не делает главных героев повествования пешками в игре Вышних сил, он дает им выбор, и сознательный выбор Коловрата разделяют не все, автор соединяет возлюбленных в посмертии, автор дает простор для выбора оставшимся в живых. При этом мифологическое мировоззрение автора отчетливо отделяет книгу от мейнстримной литературы XX-XXI вв. Этому направлению в литературе пока еще нет названия, но если модернизм в литературе мы можем считать искусством человека, отказавшегося от Бога, постмодернизм – искусством человека, утратившего Бога и пытающегося – безуспешно – найти дорогу к нему, но то, что нарождается сейчас – и «Евпатий Коловрат», возможно, одна из первых ласточек направления – это литература человека, нащупавшего путь обратно к Богу... или богам.

Литература

1. Прозоров, Л. Р. Евпатий Коловрат - М. : Яуза, Эксмо, 2009. - 256 с.
2. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси: М.: Наука, 1987. - 286 с.
3. Повесть о разорении Рязани Батыем. - <http://www.mosds.ru/BRK1/XIII-02.htm>

Summary

This article presents an attempt of classification by genre of the novelette “Evpatiy Kolovrat” dedicated to a historic episode that took place during the Mongol invasion to the territories of Ryazan’ and Vladimir-Suzdal principalities in 1237, and by means of textual analysis to try to establish and understand its main idea based on absolutely different world view.